

DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-6-893

EDN: TQEXQQ

УДК 159.923.2

Научная статья

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА Я-КОНЦЕПЦИИ У ЛИЦ С НАРЦИССИЧЕСКИМИ ЧЕРТАМИ ЛИЧНОСТИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

И.Е. Харченко

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью структурных особенностей Я-концепции при нарциссических чертах личности, несмотря на их важную роль в регуляции самоотношения и межличностного функционирования. Эмпирическая проверка теоретических представлений о специфике нарциссической Я-концепции позволит уточнить мишени психотерапевтической работы с данной категорией клиентов.

Цель – выявление факторной структуры Я-концепции у лиц с нарциссическими чертами личности в сравнении с психологически благополучными респондентами.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 120 респондентов, разделенных на две группы: с выраженными нарциссическими чертами личности ($n=60$) и без таковых ($n=60$). Диагностический комплекс включал опросники нарциссизма NPI, сензитивного нарциссизма HSNS, самоотношения МИС, Я-структурный тест Аммона ISTA. Количественная обработка данных проводилась с помощью описательной статистики, корреляционного и факторного анализа.

Результаты. Корреляционный анализ выявил противоречивость связей параметров самоотношения с нарциссизмом, указывающую на компенсаторно-защитный характер позитивного Я-образа при нарциссических чертах. Факторная структура Я-концепции у лиц с нарциссическими чертами личности включает 6 основных измерений: дефекты Я-структуры, грандиозность, компенсаторное превосходство, потреб-

ность в подтверждении значимости, сензитивную самодостаточность, дефицитарную привязанность к себе. В отличие от психологически благополучных респондентов, чья Я-концепция целостна и характеризуется доминированием конструктивных Я-функций, у лиц с нарциссическими чертами обнаруживается структурная дезинтегрированность Я с преобладанием деструктивно-дефицитарных компонентов. Грандиозность Я выступает компенсацией глубинной Я-дефицитарности.

Ключевые слова: нарциссические черты личности; Я-концепция; факторная структура; дезинтеграция Я; компенсаторная грандиозность; сензитивный нарциссизм

Для цитирования. Харченко, И. Е. (2025). Факторная структура Я-концепции у лиц с нарциссическими чертами личности: эмпирическое исследование. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(6), 600–619. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-6-893>

Original article

FACTOR STRUCTURE OF SELF-CONCEPT IN INDIVIDUALS WITH NARCISSISTIC PERSONALITY TRAITS: AN EMPIRICAL STUDY

I.E. Kharchenko

Abstract

Background. The study is relevant due to insufficient research on the structural features of self-concept in narcissistic personality traits, despite their important role in the regulation of self-attitude and interpersonal functioning. An empirical test of theoretical ideas about the specifics of the narcissistic self-concept will clarify the targets of psychotherapeutic work with this category of clients.

Purpose – to identify the factor structure of self-concept in individuals with narcissistic personality traits in comparison with psychologically healthy respondents.

Materials and methods. The study involved 120 respondents divided into two groups: with pronounced narcissistic personality traits (n=60) and

without them (n=60). The diagnostic complex included narcissism questionnaires NPI, hypersensitive narcissism scale HSNS, self-attitude questionnaire MIS, Ammon ego structure test ISTA. Quantitative data processing was carried out using descriptive statistics, correlation and factor analysis.

Results. Correlation analysis revealed the inconsistency of the relationship between self-attitude parameters and narcissism, indicating the compensatory-protective nature of the positive self-image with narcissistic traits. The factor structure of self-concept in individuals with narcissistic personality traits includes 6 main dimensions: ego structure defects, grandiosity, compensatory superiority, need for confirmation of significance, sensitive self-sufficiency, deficit attachment to self. In contrast to psychologically healthy respondents, whose self-concept is holistic and characterized by the dominance of constructive ego functions, individuals with narcissistic traits show structural disintegration of the self with a predominance of destructive-deficit components. The grandiosity of the self acts as compensation for the deep self-deficiency.

Keywords: narcissistic personality traits; self-concept; factor structure; self disintegration; compensatory grandiosity; hypersensitive narcissism

For citation. Kharchenko, I. E. (2025). Factor structure of self-concept in individuals with narcissistic personality traits: an empirical study. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(6), 600–619. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-6-893>

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблеме нарциссизма как клинического и социально-психологического феномена в современном обществе [12]. Нарциссические черты личности (НЧЛ), традиционно понимаемые в психоанализе как выражение специфических искажений Я-концепции – внутренних представлений о себе, своих качествах, способностях и месте в мире, - все чаще становятся предметом не только клинических, но и психологических исследований [1; 2; 11]. Подчеркивается необходимость более глубокого понимания структурно-динамических характеристик нарциссической Я-концепции для разработки эф-

фективных стратегий психологической помощи данной категории клиентов [9; 10; 13].

Анализ теоретических источников позволяет выделить ряд ключевых особенностей Я-концепции при НЧЛ:

1. Расщепление между иллюзорно грандиозным Я и глубоко уязвимым, дефицитарным образом себя, нестабильность и противоречивость самооценки [2;7].
2. Блокировка глубинной личностной рефлексии, неспособность признавать и интегрировать негативные аспекты Я [5; 14].
3. Компенсаторно-защитный характер позитивного самоотношения, его условность и зависимость от постоянного подтверждения собственной исключительности извне [3; 6].
4. Дефицит истинной самооценности и безусловного самопринятия при внешне завышенной самооценке.

Предполагается, что эти характеристики выступают системообразующими для нарциссической Я-концепции, обуславливая специфические паттерны самовосприятия, саморегуляции и межличностного функционирования. Проверка данных теоретических представлений на эмпирическом материале позволит уточнить психологическое содержание нарциссической Я-концепции, механизмы ее функционирования и точки уязвимости, на которые следует направлять психотерапевтические интервенции.

В этой связи *цель настоящего исследования* состояла в эмпирическом выявлении факторной структуры Я-концепции у лиц с НЧЛ в сравнении с контрольной группой психологически благополучных испытуемых.

Мы предполагали, что в отличие от психологически благополучных лиц, чья Я-концепция относительно целостна, интегрирована и опирается преимущественно на конструктивные Я-функции, Я-концепция при НЧЛ будет характеризоваться:

- структурной дезинтегрированностью и преобладанием деструктивных и дефицитарных компонентов над конструктивными;
- выраженной поляризацией между иллюзорно грандиозным и слабым, уязвимым Я;

- преимущественно компенсаторно-защитным характером позитивного самоотношения при дефиците аутентичного самопринятия;
- блокировкой рефлексии негативных аспектов Я и механизмов обратной связи.

Материалы и методы исследования

Выборка исследования включала 120 респондентов в возрасте от 20 до 30 лет, разделенных на две контрастные по выраженности нарциссических черт группы:

Группа лиц с НЧЛ – 60 человек (35 женщин и 25 мужчин, средний возраст 24,5 года). Критериями включения в данную группу выступали:

- значения выше 75 перцентиля по шкалам опросника NPI (при оценке грандиозного нарциссизма) и индекса HSNS (при оценке сензитивного нарциссизма);
- соответствие как минимум 5 диагностическим критериям нарциссического расстройства личности по DSM-5 (при отсутствии полноценной клинической картины личностного расстройства).

Группа психологически благополучных лиц, не обнаруживающих выраженных нарциссических черт – 60 человек (32 женщины и 28 мужчин, средний возраст 23,9 года). Критериями включения в данную группу служили:

- значения по шкалам NPI и HSNS ниже 50 перцентиля;
- отсутствие признаков личностной патологии по данным клинического интервью.

Исследуемые группы были сопоставимы по основным социально-демографическим параметрам (полу, возрасту, уровню образования).

Диагностический комплекс включал следующие методики:

- для оценки выраженности и типа нарциссизма – Опросник нарциссической личности NPI (Narcissistic Personality Inventory), диагностирующий грандиозный тип нарциссизма; Индекс сензитивного нарциссизма Хендина–Чик HSNS (Hypersensitive Narcissism Scale);

- для исследования структурных особенностей самоотношения – Многомерный опросник исследования самоотношения МИС;
- для изучения степени интеграции и зрелости центральных Я-функций – Я-структурный тест Аммона ISTA (Ich-Struktur-Test nach Ammon), оценивающий конструктивный, деструктивный и дефицитарный аспекты шести базовых Я-функций;
- для диагностики уровня эмоционального отклика – Опросник эмоционального отклика EQ, позволяющий оценить выраженность эмпатии.

Количественная обработка эмпирических данных проводилась с помощью методов описательной статистики, корреляционного анализа по Спирмену и факторного анализа методом главных компонент с последующим varimax-вращением. Вычисления осуществлялись с помощью статистического пакета SPSS 22.0.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе анализа проводилось сравнение групп испытуемых с НЧЛ и без НЧЛ по показателям нарциссизма и эмоционального отклика.

Были выявлены ожидаемые значимые различия по шкалам NPI ($p \leq 0,001$) и HSNS ($p \leq 0,001$), указывающие на выраженное преобладание как грандиозного, так и сензитивного типов нарциссизма в группе лиц с НЧЛ. Диапазон значений по NPI в данной группе составил от 18 до 36 баллов ($M=29,12$; $SD=4,96$), что соответствует высокому уровню выраженности нарциссических черт. В группе сравнения наблюдался существенно более низкий диапазон оценок по NPI – от 4 до 16 баллов ($M=11,08$; $SD=2,57$).

Также значимые межгрупповые различия обнаружили по шкале эмоционального отклика EQ ($p \leq 0,001$), отражающие выраженный дефицит эмпатических способностей у лиц с НЧЛ ($M=36,3$; $SD=9,2$) по сравнению с контрольной группой ($M=59,3$; $SD=10,6$). Это согласуется с представлениями о недоразвитии эмпатии как одной из ключевых характеристик нарциссического функциониро-

вания [Bogart et al., 2004], ярко проявляющейся на поведенческом уровне в виде черствости, равнодушия к чувствам других, неумения настраиваться на партнера по общению.

Анализ особенностей самоотношения по опроснику МИС позволил обнаружить специфический паттерн показателей в группе лиц с НЧЛ (рис. 1), указывающий на противоречивость их Я-концепции.

С одной стороны, наблюдаются сверхвысокие значения по шкалам «закрытость» ($M=9,7$), «самоуверенность» ($M=9,4$), «самоценность» ($M=10,1$), что на первый взгляд свидетельствует о безусловно позитивном самоотношении, вплоть до идеализации собственной личности.

Однако «изнанкой» этого грандиозного самопредъявления выступают лишь умеренные показатели «самопринятия» ($M=5,9$) и «саморуководства» ($M=6,2$) при повышенных значениях «внутренней конфликтности» ($M=6,4$; $p \leq 0,01$ с контрольной группой). Данный факт указывает на неустойчивость позитивного образа Я, его компенсаторно-защитный характер.

За внешней самоуверенностью скрывается глубинная неудовлетворенность собой, обостренная потребность в принятии и одобрении со стороны других. Неспособность признать собственное несовершенство порождает постоянный внутренний конфликт между Я-реальным и Я-идеальным, требующий постоянной внешней «подпитки» и подтверждения собственной грандиозности [Соколова, 1989].

Закономерно, что наиболее высокие значения в профиле самоотношения получила шкала «отраженное самоотношение» ($M=9,6$), фиксирующая зависимость самооценки от мнения значимых других. Стержнем регуляции самоотношения при НЧЛ становится потребность в обожании, в постоянных знаках внимания и подтверждениях собственной уникальности [Соколова, Чечельницкая, 2001].

Сопоставление корреляционных матриц параметров МИС и нарциссизма в исследуемых группах также подтверждает компенсаторно-защитную природу позитивного самоотношения при НЧЛ. Если в контрольной группе показатели грандиозного нарциссизма демонстрируют умеренные позитивные корреляции (от $r=0,34$ до $r=0,41$;

$p \leq 0,05$) с характеристиками аутентичного самопринятия и самооценности, то в группе с НЧЛ грандиозность оказалась прямо связана с закрытостью ($r=0,53$; $p \leq 0,01$), самопривязанностью ($r=0,49$; $p \leq 0,01$) и обратно – с внутренней честностью ($r=-0,37$; $p \leq 0,05$). Сверхпозитивное отношение к себе носит в данном случае ригидный, застывший характер, препятствуя адекватной саморефлексии.

Индекс сензитивного нарциссизма во всех группах ожидаемо обнаружил сильные отрицательные связи с параметрами зрелого позитивного самоотношения (самоуверенностью, самооценностью, саморуководством), отражая специфическую хрупкость и дефицитарность Я при данном типе нарциссического функционирования.

Анализ базовых Я-функций по методике ISTA показал значимое преобладание деструктивных и дефицитарных компонентов над конструктивными в структуре Я у лиц с НЧЛ (рис. 2).

Высокие значения деструктивного нарциссизма ($M=8,4$), деструктивной ($M=7,9$) и дефицитарной агрессии ($M=6,2$), деструктивной ($M=7,3$) и дефицитарной тревоги ($M=6,8$), дефицитарного внешнего Я-отграничения ($M=7,4$) в сочетании с низкими оценками по шкалам конструктивного внутреннего ($M=3,8$) и внешнего ($M=3,9$) Я-отграничения свидетельствуют о слабости и несформированности Я-структуры, ее подверженности разрушительным тенденциям.

Вместе с тем относительно высокая выраженность некоторых конструктивных шкал, таких как конструктивный нарциссизм ($M=7,4$) и конструктивная агрессия ($M=6,5$), по-видимому, выполняет компенсаторно-приспособительную функцию, позволяя поддерживать иллюзию собственной полноценности и успешно адаптироваться к социальным требованиям [Очерки динамической психиатрии, 2003]. Однако конструктивные Я-функции не опираются в данном случае на прочный фундамент зрелой Я-идентичности и подлинного самоуважения, а потому недостаточно устойчивы перед лицом фрустрирующих обстоятельств.

На следующем шаге анализа проводилось сопоставление факторных структур изучаемых параметров в группах испытуемых с НЧЛ и без НЧЛ.

В результате факторного анализа эмпирических показателей группы лиц с НЧЛ было выделено 6 основных факторов, описывающих 83,4% совокупной дисперсии (рис. 1).

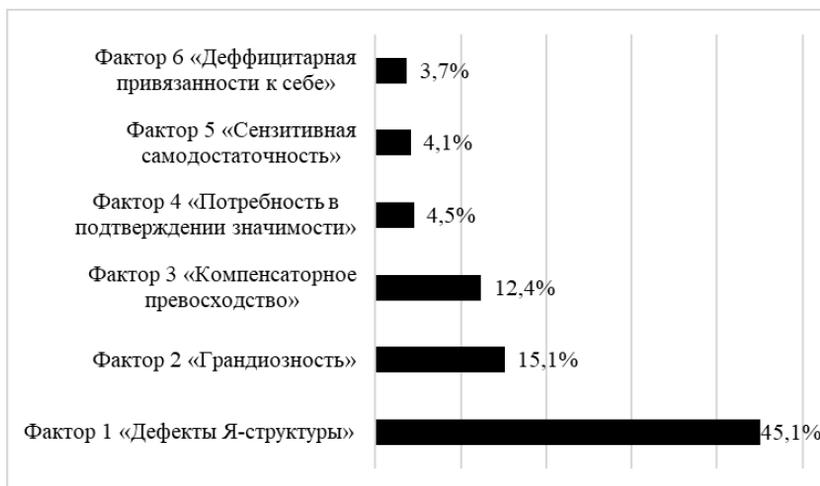

Рис. 1. Результаты факторного анализа исследуемых показателей у респондентов с выраженными нарциссическими чертами личности, %

Фактор 1 (45,1%) включает переменные, отражающие общее неблагополучие Я-структуры: высокие значения деструктивно-дефицитарных Я-функций по ISTA, проблемные аспекты самоотношения (внутреннюю конфликтность, закрытость, отсутствие самопринятия) по МИС. Данное измерение можно обозначить как «Дефекты Я-структуры».

Фактор 2 (14,8%) объединяет индикаторы грандиозно-нарциссического Я: показатели грандиозности по NPI, конструктивного нарциссизма и компенсаторно-завышенной самооценки по МИС (самоуверенность, самооценность, отраженное самоотношение). Речь идет о «Грандиозности» как защитном фасаде, скрывающем уязвимое, дефицитарное Я.

Фактор 3 (12,4%) включает параметры сверхценного стремления к внешнему подтверждению собственной значимости – шкалу «отраженное самоотношение» МИС, грандиозность NPI. Это из-

мерение репрезентирует «Потребность в подтверждении значимости», указывающую на зависимость нарциссической регуляции от постоянной внешней «подпитки» Я.

Факторы 4-5 (5,2% и 3,4%) содержат показатели ухода от собственной уязвимости в грандиозность и самодостаточность (4 фактор – «Сензитивная самодостаточность») и дефицита эмоционального тепла и привязанности к собственной личности (5 фактор – «Дефицитарная привязанность к себе»). Эти измерения отражают две стороны базового нарциссического конфликта между потребностью в принятии, слиянии с другими – и защитным отстранением от близости в позицию превосходства.

Фактор 6 (2,6%) включает негативные аспекты самоотношения – внутреннюю конфликтность и самообвинение по МИС, деструктивную агрессию ISTA. Данный фактор можно обозначить как вытесненное «Негативное самоотношение», проступающее сквозь защитный фасад грандиозности.

Принципиально иную картину демонстрирует факторная структура, полученная на выборке психологически благополучных испытуемых (рис. 2).

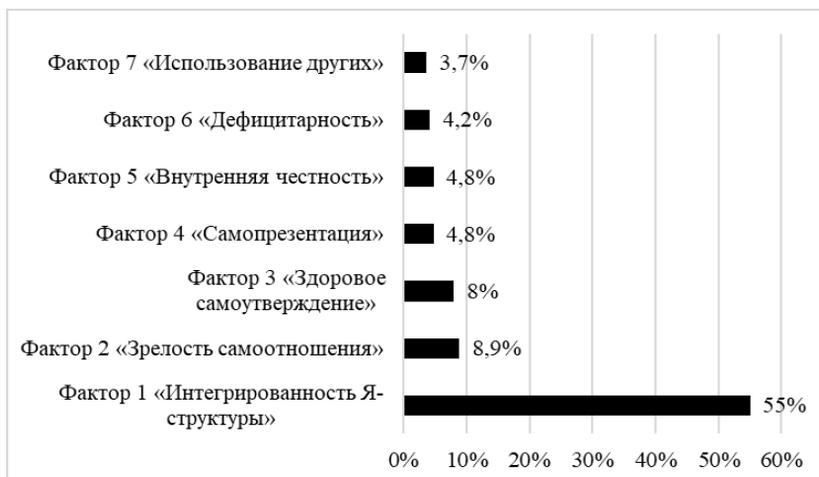

Рис. 2. Результаты факторного анализа исследуемых показателей у респондентов без выраженных нарциссических черт личности

Как и предполагалось, ведущий фактор (58% дисперсии), названный «Интегрированное самоотношение», отражает целостность и преимущественно конструктивный характер Я-концепции в данной группе: высокие значения позитивных аспектов образа Я сочетаются с минимальной представленностью НЧЛ.

Второй по значимости фактор (14,2%) включает конструктивные нарциссические проявления (шкалу Эксгибиционизма NPI, конструктивный нарциссизм ISTA), связанные с аутентичным самоуважением и самопринятием. Данное измерение можно обозначить как «Адаптивный здоровый нарциссизм», характеризующий способность к получению удовольствия от собственных достижений, совместимую с эмпатичностью и интересом к другим.

Остальные факторы (в сумме 19% дисперсии) репрезентируют отдельные аспекты самоотношения (самопривязанность, саморукводство, самообвинение) и поведения (агрессивность, тревожность), которые имеют ограниченный вклад в общую структуру Я-концепции. Показательно, что проблемные параметры (внутренняя конфликтность, дефекты Я-функций) либо вовсе не вошли в факторную структуру, либо получили незначительные факторные нагрузки. Это свидетельствует о несущественности негативных аспектов Я-концепции в психологически благополучной выборке.

Сравнительный анализ факторных структур Я-концепции в исследуемых группах позволяет сделать вывод о глубоких качественных различиях в самовосприятии и самоотношении лиц с НЧЛ и без НЧЛ.

У психологически благополучных испытуемых Я-концепция характеризуется интегрированностью и внутренней непротиворечивостью. Образ Я в их сознании предстает как относительно целостный и преимущественно позитивный. Ведущим измерением Я-концепции выступает здесь опора на конструктивные Я-функции, обеспечивающие надежное чувство внутренней согласованности, ограниченности и самооценности. Отдельные нарциссические проявления (например, здоровое самолюбование) гармонично вплетаются в структуру Я, не нарушая его устойчивости и адаптивности.

Такие люди в целом принимают и ценят себя, доверяют своим чувствам, способны адекватно и дифференцированно оценивать свои достоинства и недостатки. Их самоотношение носит стабильный характер, не завися чрезмерно от внешних оценок и достижений. При встрече с трудностями и разочарованиями включаются зрелые механизмы совладания и внутренней поддержки.

В межличностном плане для них характерны открытость новому опыту, способность к установлению глубоких эмоциональных связей, эмпатия и учет чувств партнеров по общению. Самораскрытие в значимых отношениях не представляет для них особой угрозы, поскольку не противоречит базовому самоуважению.

Совершенно иная картина вырисовывается в группе лиц с НЧЛ. Их Я-концепцию отличают глубокая дезинтегрированность, мозаичность, поляризация между иллюзорно-грандиозным и дефицитарным полюсами.

С одной стороны, нарциссическая Я-концепция подпитывается компенсаторными фантазиями о собственной грандиозности, уникальности, превосходстве над другими. Постоянное самовосхваление, требование подтверждения своей значимости, обесценивание окружающих служат защитой от подспудного чувства неполноценности и пустоты. Активность таких людей направлена преимущественно вовне, на погоню за внешними атрибутами успеха, статуса, восхищения. Самооценка носит нестабильный характер, полностью завися от непрерывного потока нарциссической «подпитки».

С другой стороны, за внешней самоуверенностью и бравадой скрывается хрупкое, слабое, дефицитарное Я. Малейшая неудача, критика, отвержение способны запустить каскад негативных переживаний – стыда, зависти, тревоги, опустошенности. Защитная грандиозность в таких случаях легко переходит в свою противоположность – ощущение ничтожности и никчемности, вплоть до суицидальных тенденций.

Отношения с людьми носят поверхностный, потребительский характер. Неспособность по-настоящему любить и заботиться о других, эмоциональная холодность и отстраненность обусловлены

дефицитом базового доверия к себе и миру, блокировкой эмпатии. Глубокая вовлеченность в отношения представляет угрозу для неустойчивого нарциссического равновесия.

Таким образом, если здоровая Я-концепция обеспечивает надежное чувство внутренней согласованности и самооценности, относительную независимость самоотношения от внешних оценок, способность к установлению зрелых межличностных связей, то нарциссическая Я-концепция, напротив, делает человека крайне уязвимым и зависимым от поддержания иллюзорного величия, порождает нестабильность самооценки, дефицит эмпатии и глубоких отношений привязанности.

Сравнение факторных структур наглядно показывает, что конструктивные Я-функции и отдельные нарциссические проявления (самодостаточность, здоровое самолюбование), гармонично встроенные в целостную Я-концепцию психологически благополучных людей, приобретают у нарциссических личностей сугубо компенсаторно-защитный характер. Они призваны прикрыть глубокую дефицитарность ядерных структур личности, подменить недостающие опоры позитивного самоотношения его грандиозно-экзгибиционистским фасадом.

Описанные глубинные дефекты Я-концепции обуславливают характерный стиль жизни нарциссических личностей. Внешне они производят впечатление уверенных в себе, преуспевающих, самодостаточных людей. Однако за маской псевдовеличия кроется постоянное напряжение и неудовлетворенность, ненасытная потребность в восхищении и подтверждении собственной значимости. Любые неудачи и промахи переживаются крайне болезненно, обнажая уязвимое и иррациональное ядро личности.

Погоня за безупречностью образа, чрезмерная озабоченность тем, как они выглядят в глазах других, затрудняет искреннее самораскрытие нарциссических людей в близких отношениях. Потенциальные партнеры либо идеализируются, превращаясь в «зеркало» для отражения нарциссического блеска, либо обесцениваются, лишаясь права на собственные чувства и желания. Эмоциональная

эксплуатация, манипулятивность, неверность нередко приводят к разрушению отношений, повторяя и закрепляя детский опыт травматической фрустрации потребности в безопасной привязанности.

В профессиональной деятельности лица с НЧЛ нередко добиваются значительных высот, однако любой успех рассматривается лишь как подтверждение грандиозных притязаний и быстро обесценивается. За внешним позитивным фасадом накапливаются неудовлетворенность, зависть к чужим достижениям, страх разоблачения собственной некомпетентности. Для поддержания иллюзии превосходства приходится проявлять все большую активность, конкурентность, одержимость работой, что чревато эмоциональным выгоранием.

В целом качество жизни нарциссических личностей, несмотря на внешнюю успешность, оказывается существенно сниженным из-за постоянного напряжения, неудовлетворенности, нестабильности самооценки и отношений. Защитная грандиозность и самовосхваление не могут заполнить глубокий дефицит подлинного самоприятия и близости, обрекая на бесконечную погоню за внешними подтверждениями собственной ценности.

Отрыв позитивных Я-функций (самодостаточности, уверенности в себе) от глубинного ощущения внутренней согласованности и целостности приводит к формированию «ложной» Я-концепции, лишенной надежных эмоциональных основ. Нарциссическая Я-концепция балансирует на грани компенсаторной грандиозности и обвальной дезинтеграции, что обуславливает уязвимость таких людей перед вызовами среды и трудностями эмоциональной саморегуляции.

В терапевтической работе с нарциссическими клиентами мишенями первого ряда должны стать интеграция полярных аспектов Я, проработка грандиозности как защиты хрупкой самооценки, укрепление конструктивных Я-функций как основы аутентичной самооценки. Важны поддержка в принятии своего несовершенства, обретении сострадания к себе, «репарация» травматичных дефицитов, разблокировка способности к установлению подлинных отношений.

Осознание и коррекция нарциссических искажений Я-концепции – длительный процесс, затрагивающий глубинные основы личности. Однако именно он создает предпосылки для достижения подлинной автономии, зрелой привязанности и самоактуализации человека, страдающего от нарциссической проблематики.

Полученные результаты согласуются с ключевыми положениями современных теорий нарциссизма, постулирующих центральную роль дефектов ранних объектных отношений и травм «базисного доверия» в генезе нарциссической патологии Я [Kernberg, 1984; Kohut, 1971]. Неспособность сформировать устойчивую позитивную Я-концепцию на основе опыта принятия и любви со стороны первичных объектов приводит к расщеплению образа Я на грандиозный и уничиженный полюса, наполнению Я-структуры архаическими деструктивными содержаниями (агрессией, тревогой, завистью и т.д.).

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило наличие специфических структурно-содержательных особенностей Я-концепции при нарциссических чертах личности, описываемых в современных психодинамических моделях:

1. Слабость и дезинтегрированность Я-структуры с преобладанием деструктивно-дефицитарных компонентов над конструктивными.
2. Выраженная поляризация Я-концепции на грандиозный и уязвимый полюса, нестабильность и противоречивость самооценки.
3. Преимущественно компенсаторно-защитный характер позитивного самоотношения, его неустойчивость и зависимость от постоянного внешнего подтверждения собственной значимости.
4. Дефицит истинного самопринятия и самооценности при внешне демонстрируемой самоуверенности и превосходстве.
5. Блокировка рефлексии негативных аспектов Я и обратной связи от других людей, препятствующая коррекции неадекватного образа Я.

6. Использование грандиозности, самодостаточности, обесценивания других как защиты от переживаний собственной уязвимости, дефицитарности, слабости Я.

Описанные характеристики образуют качественно иную структуру Я-концепции по сравнению с психологически благополучными лицами, для которых свойственны целостность и интегрированность Я, опора на преимущественно конструктивные Я-функции и аутентичное самопринятие.

Полученные результаты углубляют понимание специфики нарциссической Я-концепции, ее ключевых «болевых точек», позволяют дифференцировать компенсаторно-приспособительные и истинно здоровые аспекты самоотношения. Это создает концептуальный базис для определения мишеней психотерапевтической работы с нарциссическими пациентами.

В качестве таковых можно выделить следующие терапевтические фокусы:

- укрепление ослабленных Я-границ и формирование целостного образа Я;
- постепенная интеграция диссоциированных аспектов Я-концепции, восстановление непрерывности self;
- обнаружение дефектности идеализированного Я-образа и проработка архаического грандиозного self как защиты от хрупкости самооценки;
- достижение истинного самопринятия и самоценности, не зависящей от постоянных внешних подтверждений;
- развитие способности к рефлексии различных, в том числе негативных, сторон своей личности;
- проработка зависти и агрессии по отношению к объекту, препятствующих обретению самодостаточности;
- коррекция нарциссических защитных паттернов, блокирующих способность к установлению глубоких эмоциональных связей [Kernberg, 1984; Kohut, 1971; Ronningstam, 2005].

Безусловно, отмеченные структурные дефициты Я-концепции при НЧЛ не могут быть в полной мере восполнены в рамках кра-

ткосрочной симптоматической терапии. Они требуют длительной и систематической личностно-ориентированной психотерапевтической работы, сфокусированной на анализе примитивных защитных и объектных отношений пациента, с опорой на корректирующий эмоциональный опыт в терапии.

Только путем постепенной трансформации базисных представлений о себе и других, «впитывания» отсутствовавшего ранее опыта принятия и любви, может быть достигнута подлинная перестройка Я-структуры нарциссической личности в направлении интеграции и укрепления подлинного чувства self.

Основные ограничения проведенного исследования связаны с использованием сравнительно небольшой и однородной по возрастным и образовательным характеристикам выборки, а также опорой исключительно на психометрические методы диагностики, не позволяющие напрямую анализировать глубинные слои Я-концепции. Очевидна необходимость репликации полученных данных на более представительных выборках с привлечением качественных методов исследования (проективных техник, метода реп-теста, глубинного интервью).

Перспективы дальнейшего изучения затронутой проблематики могут быть связаны с анализом внутренней неоднородности структуры Я-концепции при различных подтипах нарциссического расстройства личности (грандиозном, уязвимом, злокачественном), в том числе в контексте коморбидных личностных и аффективных расстройств. Важным направлением является также лонгитюдное исследование динамики изменений Я-концепции в процессе психотерапии, выделение предикторов и механизмов ее конструктивной трансформации.

Список литературы

1. Кернберг, О. (2001). *Тяжёлые личностные расстройства: стратегии психотерапии*. Москва: Класс. 464 с.
2. Кохут, Х. (2003). *Анализ самости. Системный подход к лечению нарциссических нарушений личности*. Москва: Когито-Центр. 368 с.
3. Кохут, Х. (2002). *Восстановление самости*. Москва: Когито-Центр. 316 с. ISBN: 5-89353-058-6. EDN: <https://elibrary.ru/SDSGIB>

4. *Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование* (2003) / Под ред. М. М. Кабанова, Н. Г. Незнанова. Санкт-Петербург: Институт им. В. М. Бехтерева. 438 с.
5. Соколова, Е. Т., & Чечельницкая, Е. П. (2001). *Психология нарциссизма*. Москва: Психология. 90 с.
6. Соколова, Е. Т. (1989). *Самосознание и самооценка при аномалиях личности*. Москва: Изд-во МГУ. 215 с.
7. Шамшикова, Е. О. (2009). Нарциссические проявления личности как образующие континуума переходных форм существования «границ Я». *Мир науки, культуры, образования*, 7(19), 265–270.
8. Шутенко, Е. Н. (2000). Развитие самосознания личности в процессе психодрамы. *Развитие личности*, (2), 87.
9. Шутенко, Е. Н., & Шутенко, А. И. (2020). Психологические механизмы самореализации студентов как факторы их личностного роста и благополучия в образовательной сфере вуза. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, (4), 131–161. EDN: <https://elibrary.ru/TZNEUP>
10. Caligor, E., Levy, K. N., & Yeomans, E. (2015). Narcissistic personality disorder: Diagnostic and clinical challenges. *American Journal of Psychiatry*, 172, 415–422. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2014.14060723>
11. Diamond, D., & Hersh, R. (2020). Transference-focused psychotherapy for narcissistic personality disorder: An object relations approach. *Journal of Personality Disorders*, 34, 159–176. <https://doi.org/10.1521/pedi.2020.34.suppl.159>. EDN: <https://elibrary.ru/CZYZPM>
12. Kealy, D., Goodman, G., Rasmussen, B., & Weideman, R. (2017). Therapists' perspectives on optimal treatment for pathological narcissism. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 8, 35–45.
13. Pincus, A. L., & Lukowitsky, M. R. (2010). Pathological narcissism and narcissistic personality disorder. *Annual Review of Clinical Psychology*, 6, 421–446.
14. Ronningstam, E., & Weinberg, I. (2023). Narcissistic personality disorder: Patterns, processes, and indicators of change in long-term psychotherapy. *Journal of Personality Disorders*, 37(3), 337–357. <https://doi.org/10.1521/pedi.2023.37.3.337>. EDN: <https://elibrary.ru/OSXCLE>

15. Stern, S. (2017). *Needed relationships and psychoanalytic healing: A holistic relational perspective on the therapeutic process*. New York, NY: Routledge. 262 p.
16. Yakeley, J. (2018). Current understanding of narcissism and narcissistic personality disorder. *BJPsych Advances*, 24(5), 305–315. <https://doi.org/10.1192/bja.2018.20>

References

1. Kernberg, O. (2001). *Severe personality disorders: Strategies of psychotherapy*. Moscow: Klass. 464 p.
2. Kohut, H. (2003). *The analysis of the self. A systematic approach to treating narcissistic personality disorders*. Moscow: Kogito Center. 368 p.
3. Kohut, H. (2002). *Restoration of the self*. Moscow: Kogito Center. 316 p. ISBN: 5-89353-058-6. EDN: <https://elibrary.ru/SDSGIB>
4. Kabanov, M. M., & Neznanov, N. G. (Eds.). (2003). *Essays on dynamic psychiatry. A transcultural study*. Saint Petersburg: V. M. Bekhterev Institute. 438 p.
5. Sokolova, E. T., & Chechel' nitskaya, E. P. (2001). *Psychology of narcissism*. Moscow: Psikhologiya. 90 p.
6. Sokolova, E. T. (1989). *Self-consciousness and self-esteem in personality anomalies*. Moscow: Moscow State University Publishing House. 215 p.
7. Shamshikova, E. O. (2009). Narcissistic manifestations of personality as forming a continuum of transitional forms of “self-boundaries” existence. *World of Science, Culture, and Education*, 7(19), 265–270.
8. Shutenko, E. N. (2000). Development of personality self-consciousness in the process of psychodrama. *Personality Development*, (2), 87.
9. Shutenko, E. N., & Shutenko, A. I. (2020). Psychological mechanisms of students' self-realization as factors of their personal growth and well-being in the educational sphere of a university. *Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia*, (4), 131–161. EDN: <https://elibrary.ru/TZNEUP>
10. Caligor, E., Levy, K. N., & Yeomans, E. (2015). Narcissistic personality disorder: Diagnostic and clinical challenges. *American Journal of Psychiatry*, 172, 415–422. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2014.14060723>
11. Diamond, D., & Hersh, R. (2020). Transference focused psychotherapy for narcissistic personality disorder: An object relations approach.

- Journal of Personality Disorders*, 34, 159–176. <https://doi.org/10.1521/pedi.2020.34.supp.159>. EDN: <https://elibrary.ru/CZYZPM>
12. Kealy, D., Goodman, G., Rasmussen, B., & Weideman, R. (2017). Therapists' perspectives on optimal treatment for pathological narcissism. *Personality Disorders: Theory, Research, and Treatment*, 8, 35–45.
 13. Pincus, A. L., & Lukowitsky, M. R. (2010). Pathological narcissism and narcissistic personality disorder. *Annual Review of Clinical Psychology*, 6, 421–446.
 14. Ronningstam, E., & Weinberg, I. (2023). Narcissistic personality disorder: Patterns, processes, and indicators of change in long-term psychotherapy. *Journal of Personality Disorders*, 37(3), 337–357. <https://doi.org/10.1521/pedi.2023.37.3.337>. EDN: <https://elibrary.ru/OSXCLE>
 15. Stern, S. (2017). *Needed relationships and psychoanalytic healing: A holistic relational perspective on the therapeutic process*. New York, NY: Routledge. 262 p.
 16. Yakeley, J. (2018). Current understanding of narcissism and narcissistic personality disorder. *BJPsych Advances*, 24(5), 305–315. <https://doi.org/10.1192/bja.2018.20>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Харченко Иван Евгеньевич, аспирант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация

Ivan-harchenko@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivan E. Kharchenko, PhD student

Belgorod State National Research University

85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation

Ivan-harchenko@mail.ru

Поступила 26.10.2025

После рецензирования 11.11.2025

Принята 15.11.2025

Received 26.10.2025

Revised 11.11.2025

Accepted 15.11.2025